

обстоятельство стало причиной избавления от границ ради пространства. Метафора *хлещет жизнь*, таким образом, приобретает некую положительную коннотацию, которая усиливается последующей восклицательной фразой. Эпитеты *мелкой* и *плоской* в условиях контекста можно считать градационными синонимами с общим значением «то измерение, которое не подходит для многогранной и полнокровной жизни». Метафора *хлещет жизнь* основана на скрытом сравнении жизни и крови по признаку наполненности и пульсации. В условиях контекста слово *черный* приобретает символическое значение «глубины», «полноты», «необходимости», «ценности».

Путь жизни, запертой в рамки, но вырывающейся вовне, повторяет стих, такой же полнокровный. Однако, несмотря на интонационную завершенность последней фразы, остается нерешенным и невыясненным один вопрос: куда попадает стихотворение – в цель или мимо, перельется через край? Что для него есть цель – через край и мимо или куда-то в конкретную цель?

В последней фразе Марина Цветаева не рисует синтаксически движение стиха, тем самым подчеркивая только стадию «через край». Но здесь заложена надежда на то, что от стихотворения, как от жизни, вновь будет польза, и стихи снова обретут цель, достигнув объекта назначения.

Итак, крупный национальный поэт, будучи носителем прежде всего национальной культуры, требует определенного лингвокультурного комментария, помогающего установить смысл текста. И такой путь нам видится как правильный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головановская М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка... М., 1997.
2. Маслова В.А. Филологический анализ поэтического текста.– Минск, 1999.
3. Маслова В.А. Филологический анализ художественного текста.– Минск, 2000.
4. Цит. по: Мария-Луиза Ботт, Музыкальный образ художника и его времени // А.С. Пушкин – М.И. Цветаева. Седьмая цветаяевская международная конференция. Сборник докладов.– М., 2000.– С. 275.

Поступило в редакцию 13.03.2002 г.

Пузанко Л.В.

(Симферополь, Украина)

АСЕМАНТИЧНОСТЬ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Согласно В. фон Гумбольдту, представления человека о мире зависят от того языка, которым он пользуется. До конца 80-х годов XX столетия в русском языке «работало» понятие «асемантичности», которое отрицало какое-либо содержание у группы языковых единиц. Слова делились на «носителей» объективной информации о действительном мире и на грамматикализованные единицы, то есть эксплицитно

представленные, но не имеющие значения. Причиной такой дифференциации явилось устоявшееся восприятие языка в категориях материальной действительности. Критерий «вещественности» очень жестко регламентировал языковую материю: слова должны были в свернутом виде отражать формы существования предметного мира. Несмотря на сильную лингвофилософскую базу – связь с объективной действительностью, происходила абсолютизация лексической индивидуальности слова. Критерием «чистоты» и «полноценности» слова была степень лексической независимости единицы от языкового и экстралингвистического окружения. Выделялись стандартные единицы – образцы в виде конкретных имен существительных и с этих позиций трактовались аномалии в наименовании вещественных реалий другими, более отвлеченными словами. Зависимость значения слова от контекста делала лексическую единицу второразрядной, несамостоятельной, а если связь значения с окружением была обязательной, языковая единица становилась грамматикализованной.

Постепенно к параметрам дихотомии означающего и означаемого добавляются психонетический, прагматический критерии, опирающиеся на принцип антропоцентризма в языке. Описывается значение предлогов, совершенствуется классификация семантических разрядов частиц, анализируется значение сочинительных и большинства подчинительных союзов. Но за пределами «содержательных» лексических единиц продолжает оставаться группа так называемых «асемантических» слов – изъяснительных подчинительных союзов, формообразующих частиц, междометий. Эти группы невелики. Так, количество асемантических союзов ограничено пятью-шестью единицами. Последовательно во всех классификациях называются союзы *что, чтобы, упоминаются как, чем, как будто, будто*. Отсутствие значения в этих словах объясняется их неспособностью передавать определенные смысловые отношения, и поэтому они маркируются как формальные средства синтаксической связи отдельных предикативных единиц [9]. По нашему мнению, такая лингвистическая позиция скорее отражает неспособность ученых объяснить на данный момент семантическую сущность слов, в соответствии с общепринятыми установками. Характеристика «асемантический» не столько изолирует определенную группу слов, сколько отражает отношение к этим словам.

Не вдаваясь в анализ семантических особенностей этих единиц (попытки исследования асемантических союзов были сделаны автором в других работах), обратимся к самому понятию асемантичности как результату и инструменту метапознания. Метапознание в широком понимании термина обозначает процедуры контроля и регулирования, которые субъект применяет в своей когнитивной деятельности, а также знания об этой деятельности, которыми он обладает [6, с.24].

И.М. Кобозева назвала четыре сущности, взаимодействующие в языковом знаке и характеризующие его как носителя информации: категории действительного мира; мыслительные категории, присущие логике и психологии человеческого познания; прагматические факторы, т.е. то, что связано с целенаправленным использованием языка в человеческой деятельности; отношения между знаками – единицами языковой системы [4, с. 43]. Квалификация «асемантичности» основывается только на одном типе информации, как мы уже говорили, информации о фрагменте мира. Игнорируется роль человека в процессе познания, не учитывается роль ментальных процессов в

сфере операций хранения, переработки, использования знаний, не рассматривается место культурных моделей в определении значения. А. Ченки замечает, исследуя область когнитивной лингвистики: «Семантика – не автономная сфера деятельности. Полный анализ значения требует полного анализа познания! Трудновыполнимость этого требования не является уважительной причиной для отказа от такого подхода» [11, с. 358]. Общенаучной методологией, позволяющей сделать поворот от «чистой» лингвистики в сторону быстро развивающейся когнитивной лингвистики, по мнению Е.А. Селивановой, А.А. Кибрик, В.А. Плунгяна и др. [3, 8], становится функциональный подход. Мы согласимся с суждениями ученых о том, что функционализм становится не просто научной парадигмой исследования объекта в его взаимодействии со средой, а универсальным средством анализа различных видов коммуникативной деятельности в совокупности ее когниции, психологического механизма, антропоцентризма, интересубъектности, стратегичности и эффективности [8, с.19]. В период, когда семантика выходит за пределы «чистой» лингвистики, «асемантичность» становится понятием, потерявшим свою лингвистическую актуальность, но представляющим интерес в качестве характеристики мировидения носителя (носителей) языка. Что же такое асемантичность в интерпретации когнитивной лингвистики? Можно ли ее назвать языковой категорией или же это концепт?

Асемантичность как категория может быть рассмотрена с нескольких позиций. Категория в классическом понимании предполагает наличие достаточных и необходимых критериев для подведения под рубрику определенных явлений. При этом набор признаков формируется на принципах равноправия, так как выражает «одну из основных форм бытия или одну из его основных отношений (материя, время, пространство, движение, причинность, сущность, единство и т.д.)» [1, с.291]. Категории не пересекаются, так как имеют четкие границы и противопоставляются друг другу. Позднее классическая модель категории была дополнена элементарностью признаков, то есть их дальнейшей неразложимостью, а также универсальностью, абстрактностью (отвлечением от конкретных случаев), их первичностью, врожденностью [11, с.342]

Впоследствии революция в когнитивной психологии изменила взгляд на понятие категории. Были задействованы отношения между членами структуры не на принципах равноправия, а по принятому в психологической и психолингвистической литературе образцу – иерархическим отношениям «общее-частное», «выше-ниже». Подобное изменение в трактовке категории объяснялось новыми тенденциями в восприятии окружающего мира: реальный мир структурирован. Категории строго делятся на «природные», более или менее перцептивно обусловленные, и «семантические», то есть обусловленные понятием.

Новая концепция категории связана с именем Э. Рози и в дальнейшем была подхвачена многими исследователями языка (Е.С. Кубрякова, Е.А. Селиванова, А. Ченки, Е.В. Рахилина и др.). По этой концепции, выделение категории возможно только на психолого-онтологической основе. В центре структуры находится обусловленный онтологией, содержащий характерные признаки категории прототип. Вокруг него располагаются другие члены категориального множества, которые мы распознаем, задействовав фактор психологической обусловленности. Одним из важнейших постулатов, ставшим в последнее время популярным, становится декларация размытости

границ у категории как структуры. Следовательно, степень принадлежности слова (не-прототипа) к одной из категорий попадает в зависимость от многих факторов – знаний индивидуального говорящего, общности культурных, этнических, социальных и других традиций определенной группы носителей языка. Структура категории в современном понимании противопоставляется, по мнению Р.М. Фрумкиной, общеизвестному положению о «внутренней структуре». «Структурой некоторого класса (категории) естественно считать совокупность тех устойчивых связей, которые имеются между объектами, входящими в класс» [10, с.56]. Категориальная структура в современной интерпретации объясняется с точки зрения психологической значимости для индивида. По нашему мнению, происходит слияние категории как формы мышления с категорией как средством представления знаний и опыта человека. Последнее как способ представления познавательной деятельности человека соответствует понятию «концепт».

Концепт, как и категория, имеет разные толкования, но их объединяют несколько общих принципов. Во-первых, концепты возникают в процессе познания мира, а так как мир постоянно меняется, знания человечества постоянно уточняются и модифицируются. Следовательно, концепты как интерпретаторы смыслов могут переходить в пассивный фонд знаний человечества. Во-вторых, концепты на синхронном уровне делятся на универсальные, которые соответствуют картине мира, содержат базовую информацию о положении дел в мире и присутствуют во всех языках (см. теорию «семантических примитивов» А. Вежбицкой), и на субъективные, маркирующие знания определенной группы носителей языка.

Таким образом, концептуальная система, опирающаяся на существование некоторых исходных, или первичных концептов, из которых развиваются все остальные [5, с.90-93], совпадает со структурой категории когнитивной модели, то есть с категорией прототипической структуры. Поэтому при определении статуса асемантической мы будем оперировать понятиями категории в классической интерпретации и концепта как средства обработки «субъективного опыта путем подведения информации под определенные выработанные обществом категории и классы» [5, с.90].

Итак, асеманτικότητα – способ представления знаний о мире, возникший с необходимостью как-то обозначить группу языковых единиц, не соответствующих общепринятому положению о «вещественном значении» слова (термин А.А.Потебни). В эпоху семантики, когда появилась возможность описывать значения слов в новых терминах, само понятие «асеманτικότητα» исчезает из активного понятийного аппарата лингвистики.

Асеманτικότητα как базовое понятие находится в оппозиции к понятию «семантика» по критерию наличие-отсутствие содержательной стороны у языкового знака.

Асеманτικότητα возникла как неанализируемая сущность на начальном этапе познания языковых значений, затем существовала в языке на субъективной основе. Тем самым были задействованы начальные принципы ономастического процесса – апперцепции (психонетический) и интериоризации (когнитивный), то есть именованис неопознанного объекта (с точки зрения семантики) и символическое обобщение таких объектов. Недостаток знаний не позволил продолжить дальнейшее системно-функциональное структурирование имеющегося языкового материала в виде устойчивых моделей.

Таким образом, асемантичність не може іменуватися категорією, так як формується не на основанні об'єктивно значимих ознак, а по стану знання індивідуальних носіїв мови. Асемантичність – концепт, характеризуючий пізнавальну діяльність людини на визначеному етапі.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Большой словарь иностранных слов.– М.: ЮНВЕС, 1998.– 784 с.
2. Камынина А.А. Современный русский язык: Морфология.– М.: Изд-во МГУ, 1999.– 240 с.
3. Кибрик А.А., Плузган В.А. Функционализм // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления // Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной.– Изд.2-е, испр. и доп.– М.: Эдиториал УРСС, 2002.– С.276-340.
4. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие.– М.: Эдиториал УРСС, 2000.– 352 с.
5. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С.Кубряковой.– М., 1996.– 245 с.
6. Лоарер Э, Юто М. Когнитивное обучение: История и методы // Когнитивное обучение: современное состояние и перспективы. – М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 1997.– С.17-35.
7. Преображенская М.Н. Служебные средства в истории синтаксического строя русского языка XI - XVII вв (сложноподчиненное предложение).– М.: Ин-т рус. яз. АН СССР. 1991. – 300 с.
8. Селиванова Е.А. Когнитивная ономазиология (монография) – К.: Изд-во украинского философического центра, 2000.– 248 с.;
9. Современный русский язык / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др.; Под ред. В.А. Белошапковой.– 3-е изд., испр. доп.– М.: Азбуковник, 1999.– 928 с.
10. Фрумкина Р.М., Михеев А.В., Мостовая А.Д., Рюмина Н.А. Семантика и категоризация.– М.: Наука, 1991. – 168 с.
11. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. – Изд.2-е, испр. и доп.– М.: Эдиториал УРСС, 2002.– С.340-370.

Поступило в редакцию 11.03.2002 г.

Самойлович Л.В.

(Симферополь, Украина)

ВИРАЖЕННЯ НЕВЕРБАЛЬНОГО СПІЛКУВАННЯ МОВНИМИ ЗАСОБАМИ (НА МАТЕРІАЛІ РОМАНУ «ТИГРОЛОВИ» ІВАНА БАГРЯНОГО)

Спілкування між людьми в процесі мовлення відбувається як за допомогою слів, так і несловесних засобів вираження. Психологами встановлено, що в процесі взаємодії людей «від 60 до 80 % комунікації здійснюється за рахунок невербальних засобів вираження і тільки 20-40 % інформації передається за допомогою вербальних» [5]. Уперше вчені почали серйозно вивчати невербаліку в 70-х роках ХХ ст. (учений-біхевіорист Юлій Фаст, професор Луїзвільського університету Рей Бердвіселл, психолог Аллан Піз із Австралії). Особливість невербального спілкування зумовлена